

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.Л. Франк. **Полное собрание сочинений. Том 1: 1896–1902** / Под общ. ред. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; вступ. ст. о. П. Скорера; предисл. к изданию Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; предисл. к тому Г.Е. Аляева, Т.Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 716 с.

Отдельные книги и сборники сочинений С.Л. Франка издаются в России с 1990 г. В Германии на немецком языке вышло первое его собрание сочинений в восьми томах (Фрейбург – Мюнхен, 2000–2013). И вот перед нами многообещающий российский проект – начало многотомного издания трудов русского философа, предполагающего 25 томов. Необходимость такого научного события понимали по мере публикации неизвестных франковских текстов за последние более чем двадцать лет. Франковеды хорошо знают, что изданные при жизни и посмертно книги и брошюры Франка – это только вершины его философского творчества, и что неопубликованными и малодоступными остаются в архивах многие статьи, рабочие записи, дневники, конспекты лекций, письма, переводы, подготовительные материалы, выписки, беседы на радио ВВС, деловые бумаги, бережно сохраненные вдовой Т.С. Франк и переданные ею в Бахметевский архив Колумбийского университета (США) в 1974–1977 гг. и в фонд А.И. Солженицына (ныне Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве). Кроме того, российские и немецкие архивы, библиотеки, подшивки газет и номера журналов хранят невостребованные до сих пор тексты философа, которые необходимо ввести в научный оборот, сделать достоянием русской философии. Франк соединил в своем творчестве русскую и европейскую традиции философствования, духовной культуры, христианской апологетики.

Г.Е. Аляев (Полтава, Украина) является одним из первопроходцев современного франковедения, и прежде всего его подвижническими усилиями, конечно, с опорой на труды коллег, которые образовали Международный редакционный совет издания (Ф. Буббайер, А.А. Гапоненков, Л. Люкс, Б. Маршадье, Н.В. Мотрошилова, О. Назарова, Т. Оболевич, Ю.П. Сенокосов, о. П. Скорер, П. Элен, В.В. Янцен), и соавторов (К.М. Антонов, Т. Резвых и др.), подготовивших проспект полного собрания сочинений С.Л. Франка на издательской базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, стало возможным осуществление этого сложного междисциплинарного проекта. Необходимо отметить всемерную его поддержку со стороны потомков С.Л. Франка в лице о. Питера Скорера (Великобритания) и Н.В. Франка (Германия).

В первом томе помещены политэкономические и социологические статьи и рецензии (некоторые отсутствовали даже в известных библиографиях философа) и большая книга «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд». Они соседствуют с первой философской работой Франка из сборника «Проблемы идеализма» – «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”». Состав тома соответствует начальному периоду творческой биографии философа с 1896 г. (первая публикация в газете «Нижегородский листок» политэкономической статьи «Внешняя торговля России») до 1902 г., когда у Франка случился духовный переворот в его сознании под влиянием книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» и личных любовных переживаний. Это был путь от социологизма «критического марксизма», как справедливо считают редакторы, к признанию автономности субъекта как носителя ценностей.

Состав рецензируемого тома мог быть полнее по объему, если бы удалось выявить все ранние публикации Франка в журналах 1890-х – 1900 г., особенно в «Начале» и «Мире Божьем». К сожалению, в библиографических отделах периодических изданий того времени печатали рецензии без подписи авторов, поэтому лишь по дополнительным источникам (дневниковые записи, письма, редакционные материалы) возможно установить авторство рецензента. Редакторы и составители тома отдадут себе в этом отчет. Предстоит дальнейшие разыскания.

Что может не удовлетворить взыскательного читателя в отборе текстов Франка для публикации? Обычно в собрания сочинений входит из двух (трех) редакций (вариантов) дефинитивный текст, выбранный в соответствии с последней авторской волей. Статья «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”», манифест этического идеализма, подготовлена из сборника «Проблемы идеализма». Однако Франк перепечатал ее позднее в собрании своих статей «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» (СПб.: Общественная польза, 1910. С. 1–71), исключив посвящение П.Б.С. и внеся некоторые поправки (изъятие небольшого фрагмента в финале статьи). Сличение двух текстов явно производилось публикаторами, в комментариях отмечены различия (общая установка: «разнотения между первым и вторым прижизненными изданиями будут отмечаться в редакторских примечаниях», с. 18), но, следуя

«хронологическому порядку по первой публикации», взят исключительно текст из «Проблем идеализма». Насколько этот принцип всегда оправдан? Как будет он работать в дальнейшей подготовке новых томов? Что делать, например, с «Введением в философию в скатом изложении» (Петербург: Academia, 1922) и «Введением в философию» (Берлин: Обелиск, 1923), двумя книгами, различающимися по объему десятками страниц. Хронологически они относятся к разным периодам творчества – доэмигрантскому (этому будут посвящены первые шесть томов) и эмигрантскому. Часть статей Франка 1910-х гг. в журнале «Русская Мысль» вошла в его сборник «Живое знание» (Берлин: Обелиск, 1923). Отдельный том составители предполагают сделать по «Предмету знания». А как быть со статьей «Кризис современной философии», вступительной речью на диспуте по поводу защиты магистерской диссертации в 1916 г., вошедшей в «Живое знание»? Намеченный принцип *первопубликаций* исключает помещение этой важнейшей книги с авторским предисловием в собрание сочинений. Такого рода перечень можно продолжать – «Этюды о Пушкине!» По отдельности они публиковались с 1933 по 1949 г.

Таким образом, уничтожается *жанровый принцип*, без которого, в сочетании с хронологическим, трудно помыслить состав томов. Ведь «полное собрание сочинений» не может быть собранием только *первопубликаций* автора, не ставя проблему *истории текста* в своем составе. Мне кажется, и опыт текстологии это подсказывает, что при наличии авторской переработки уже изданного раз текста и его исправленного переиздания надо руководствоваться в каждом конкретном случае авторской волей, издательской историей, отзывами рецензентов, не забывая о таких жанровых единствах, как «книга», «сборник статей», «этюды и наброски», «этюды» и т. п. Специальный раздел вариантов, который обычно отличает «полное собрание сочинений» от рядового «собрания», в рассматриваемом томе и проспекте не предусмотрен. При наличии рукописи предполагается сверка с ней, однако рукописей прижизненных книг Франка сохранилось мало («Свет во тьме», «С нами Бог», «Реальность и человек», «Воспоминания о П.Б. Струве», антологии о Вл.С. Соловьеве и «Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века»). При публикации «архивных рукописей» составители допускают, что «хронологический принцип будет сочетаться с принципом подбора однотипных рукописей – философские дневники, неопубликованные статьи, записные книжки, конспекты лекционных курсов и отдельных лекций» (с. 18). Но почему они выделены в проспекте в отдельную серию томов, тем самым отменяя общий хронологический принцип издания и связь их с опубликованными

при жизни Франка работами? И это наряду с серией писем, традиционной неотъемлемой частью «полного собрания сочинений и писем». Многие конспекты докладов и лекций философа были им переработаны в статьи (подчас с аналогичными заглавиями). По замыслу издателей, данные материалы будут напечатаны в разных сериях, что считаем нецелесообразным.

Не прояснен в проспекте издания статус многочисленных переводов Франка с немецкого (В. Виндельбанд, Куно Фишер, Г. Зиммель, Эд. Целлер, Ф. Ницше, Ф. Шлейермахер, Ф. Геббель и др.) и даже французского («Избранные места из писем» Г. Флобера), а также деловых бумаг, биографических источников. Публикация документов в качестве приложения к первому тому всегда может быть дополнена новыми источниками по биографии Франка в процессе работы над изданием. Лучше эти документы было собрать в завершающем томе. В приложении анонсирована «выборочная публикация писем корреспондентов Франка» (с. 19). Надо ли это делать обязательно, возникают сомнения. Всякая «выборочность» эпистолярия снижает полную академичность «полного собрания сочинений». Вернее было бы напечатать все известные письма Франка в хронологической последовательности. А отдельные однотомники, включающие переписку (с П.Б. Струве, Л. Бинсвангером, Н.А. Бердяевым, В.Б. Ельшиным и др.), дополнили бы эпистолярный свод.

На наш взгляд, одна из важнейших задач любого собрания сочинений – избежать превращения хронологически или жанрово выделенного материала тома в тематический сборник, когда исследовательские задачи составителей в предисловных статьях и комментариях довлеют над текстами самого философа. В рецензируемом издании вместо краткого очерка жизни и творчества Франка, строгой преамбулы к его сочинениям читаем солидное «Предисловие к первому тому. С.Л. Франк. Жизнь и творчество, 1877–1902» (Г.Е. Аляев, Т.Н. Резвых). К этому материалу надо относиться с должным вниманием. По сути, перед нами «параллельная» текстам философа подробная биография Франка, включающая его жизненные перипетии, разбор представленных сочинений, характеристику эволюции воззрений с упоминанием, цитированием отзывов на первую книгу и на статью в сборнике «Проблемы идеализма».

Составители тома привлекли новые архивные источники (воспроизведены в приложении копии «Аттестата зрелости», «Свидетельства о результатах учебы в гимназии Лазаревского института восточных языков», «Диплома», письмо Г.Э. Ливена), уточнили известные данные по семье, учебе, товарищам Франка в Москве и Нижнем Новгороде, Московском университете, «кружку нижегородцев», студенческим беспорядкам, аресту, административным репрессиям,

пробыванию в Германии (архивные данные из Берлинского университета были впервые приведены Н.С. Плотниковым) и возвращению в Россию, сдаче экзаменов в юридической испытательной комиссии в Императорском Казанском университете. Надо заметить, что первым, кто обнаружил и исследовал эти материалы, был английский биограф С.Л. Франка Ф. Буббайер.

Для изучения биографии молодого Франка важен круг его студенческих товарищей, сведения о которых восстанавливают по архивным данным авторы предисловия к тому. Так, в годы жизни в Нижнем Новгороде и Москве он входил в марксистский кружок сына писателя и врача С.Я. Елпатьевского Владимира, одного из организаторов студенческих волнений 1899 г.

Перед нами действительно во многом «малоизвестный Франк», экономист и марксист, находившийся в «процессе перехода от политической экономики к философии» (с. 22), стремившийся создать новую дисциплину «социальная психология» (под влиянием теории социального взаимодействия Г. Зиммеля). Нам кажется слишком растянутым (от 1896 г. до написания «Предмета знания», 1915) обозначение периода «раннего Франка». Все-таки трудно назвать автора работ «Этика негизма» (1909), «Гносеология Гёте» (1910), «Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера» (1911), «Учение Спинозы об атрибутах» (1912), «К теории конкретного познания» (1912), «Нравственный идеал и действительность» (1913), «Знание и бытие» (1914) «ранним» на его философском пути. Нельзя забывать, что политэкономические штудии Франка были больше фактом его внешней биографии. Тогда как духовный опыт русской и немецкой поэзии (Пушкин, Лермонтов, Хомяков, А.К. Толстой, Некрасов, Гёте, Гейне – спутники дневниковых записей), эмоциональный мир музыки (Франк прекрасно играл на фортепьяно), любовные переживания, «Великий Ницше, друг мой единственный и учитель всех одиноких, бедных, стремящихся!» привели молодого человека к экзистенциальному выбору – «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!» (пушкинский эпиграф к «Дневнику» 1901–1902 гг.). В постепенном отходе от революционного движения (начиная с 1896 г.), разрыве с марксизмом, отказе от политэкономической карьеры сыграли роль психологические особенности характера Франка, натуры не борца, а созерцателя. Более того, личностный психологический момент и отвержение догматической революционной морали все-таки были решающими. В «позднем» Франке проблемой выбора станет соотношение философского умозрения и религиозной веры.

В тексте «Предисловия» находим богатый материал по истории студенческого движения в Московском университете, профессорах, о которых вспоминал Франк (В.О. Ключевский, П.И. Новгородцев, А.И. Чупров), издателях,

журналах. Особо выделены критические марксисты Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков. Прослежен ход дискуссии 1898–1900 гг. о теории ценности в политэкономии на фоне ревизии в марксизме, «осознания субъективного и объективного в ценности, что привело к постановке философской проблемы ценности» (с. 48). В «критическом этюде» Франка «Теория ценности Маркса и ее значение» (1900) с помощью «буржуазной» экономической теории марксизм «исправляется и углубляется».

«Комментарии» (Г.Е. Аляев и Т.Н. Резвых при участии К.М. Антонова) к текстам Франка детально проработаны, содержат библиографическое описание источника текста, сведения о периодическом издании или издательстве, переизданиях, обзор рецензий, источники цитат, поясняют непонятные современному читателю термины, словоупотребления, имена. Многочисленные цитаты из сочинений Ф. Ницше в статье «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”» проверены Т.Н. Резвых по немецкому изданию. Почему-то комментаторы уделили главное внимание только «Нижегородскому листку», «Русскому Богатству» и сборнику «Проблемы идеализма», оставив без должного освещения другие периодические издания: «Начало», «Мир Божий», «Образование», «Вопросы философии и психологии».

«Именной указатель» (Г.Е. Аляев, Т.Н. Резвых) фактически превращен в указатель «Personalia», который подробно раскрывает множество персон (ученые, экономисты, философы, историки, юристы; народники, социал-демократы, марксисты; издатели, писатели, публицисты и т. п.), упомянутых в текстах Франка и в комментариях, позволяет получить уникальную биографическую и библиографическую информацию с описанием книг по каждому автору, большинство из которых изданы на немецком, английском, французском языках либо являются переводами. Приложен к тому и необходимый «Указатель иностранных слов и выражений».

В заключение отметим несомненный научный успех вышедшего первого тома сочинений С.Л. Франка, очень содержательного и открывающего забытые тексты, новые горизонты мысли русской философии конца XIX – начала XX в.

А.А. Гапоненков

Гапоненков Алексей Алексеевич – Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 410012, Астраханская ул., д. 83.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

gaponenkova@info.sgu.ru

С.С. Неретина, С.А. Никольский, В.Н. Порус. **Философская антропология Андрея Платонова** / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФРАН, 2019. 236 с.

Эта коллективная монография столь же многопланова, как и литературное наследие Андрея Платонова, органично соединившего художественное творчество, предвосхитившее эстетику модерна, с философским видением мира. Главный вектор предпринятого авторами исследования связан с безусловно удавшейся попыткой ответить на вопрос, какое влияние оказали советский опыт социалистического строительства 20–30-х гг. XX в. и отечественная литература этого времени на философскую антропологию как дисциплинарную отрасль философского знания. Обращение к прозе А. Платонова (роман «Чевенгур», повести «Котлован», «Ювенильное море», «Джан», рассказы «Усомнившийся Макар», «Жажда нищего», «Уля», «Потомки солнца» и др.) определило проблемное поле исследовательского интереса авторов. Объектом осмысления был выбран социально-культурный излом, внутри которого оказался человек в ходе катастрофического разрушения привычного для него образа жизни во имя реализации коммунистической идеи. В творчестве писателя эта ситуация соотнесена с тотальным подчинением жизни всех и каждого построению будущего общества – не во всех его очертаниях и составляющих (окончательное решение этой задачи всеми мыслилось целью не для одного поколения), а на этапе подготовки его фундамента.

Этот процесс, принимая разные социально-культурные конфигурации в зависимости от сюжетной канвы произведения, предстает единственным жизненным пространством для его участников, обрекая на жизнь «в пустоте», лишаящей их и социальной, и индивидуальной идентификации, на существование как «прочих» – тех, кого не волнует ни жизнь, которой они живут, ни смерть, которая им уготована, потому что для них по сути нет различия между ними. Платонов, как справедливо отмечает С.А. Никольский, увидел зарождение этого феномена в его истоках много раньше того времени, когда он приобрел угрожающие масштабы, и много раньше других, задумавшихся о его сути. Для авторов книги платоновское видение ситуации через призму социалистического строительства стало не только знаковым, но и объясняющим, почему мыслительным, эмоциональным и психологическим стержнем всей прозы писателя являются постоянные предчувствия и размышления его героев и целого народа о смерти, а переживание этого состояния – константой

мироощущения, разрушающего каждого физически и духовно, превращающего в «тело без головы» (см.: С.С. Неретина, глава «Мыслить Платонова: телега смерти», с. 11–74). Глубина и психологическая точность описаний подобных состояний человека и его отношений с внешним миром, воспринимаемым им одновременно «своим» и «чужим», дают основание, считают авторы, говорить о Платонове как о *философствующем писателе*, творчество которого вообрало в себя жизненную правду, а художественное слово приобрело значимость философской истины. Более того, по мнению авторов книги, с его прозой связан четко фиксируемый поворот отечественной литературы к философской антропологии, основанием которой становится «пограничная ситуация», рождаемая жизнью человека в нечеловеческих условиях (см.: В.Н. Порус, глава «Два сошествия в ад: Андрей Платонов и Варлам Шаламов, с. 175–229). Проза А. Платонова, как пишет В.Н. Порус, обозначила «рубеж, с которого должен начаться новый путь философской антропологии» и перейдя который «она уже не может быть прежней. Реальность земного ада станет ее пробным камнем» (с. 228).

Проложенный писателем путь будет освоен. Спустя несколько десятилетий этим путем пойдет В.Т. Шаламов, оставив нам «Колымские рассказы» и сборник стихов «Колымские тетради». В них за размышлениями о жизни и смерти, о добре и зле, о мнимых и подлинных смыслах человеческого существования будет стоять собственный опыт выживания в гулаговском аду, оставленный ныне живущим и их потомкам как выстраданный собственной кровью «документ души» и как личная «пощечина сталинизму» (см.: Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения). По итогам 14-й Международной научной конференции Института философии РАН с регионами России. М.: Голос, 2017). У Шаламова, свидетеля и жертвы своего времени, будет своя правда о том, у какой последней черты теряется человеческое и в каких глубинах жизни лежит корень вселенского зла – превращение человека в *не-человека*. Его стихи и проза, ставшие ответом страшному лагерному прошлому, вписали свою страницу в философское осмысление антропологической формулы «сущность – существование». Они довели понимание зало-